

БОРИС ЖИТКОВ**СВЕТЛАЯ СУДЬБА ПОД «ЧЕРНЫМИ ПАРУСАМИ»**

ПОЧЕМУ РОМАН УДИВИТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ, МОЖЕТ ПЕРЕПИСАТЬ ИСТОРИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е

Ему было три года, когда бабушка дала ему пятак на конфеты. «О,

это большие деньги, прям капитал, — пошутит сын кондитера, — на них можно купить целый пароход, вот какие стоят на пристани!» И малыш, зажав монету в ладошке, через весь Новгород, где жил с родителями, отправился к Волхову, к причалу с большими кораблями.

«Где можно купить пароход?» — пристаивал к прохожим тот, кто через пару десятков лет уйдет в кругосветку и обогнет земной шар. Пристаивал, пока его не привели на настоящий корабль, а потом и на мостик — к капитану. Тот покажет ему рубку, штурвал, каюты, но скажет: денег маловато, на них можно купить лишь игрушечный пароход, вот на Торговой улице.

Там мальчонку и изловит бабушка, обегавшая и порт, и встречные лавки.

Нож для «Виктора Вавича»

Это начало жизни Бориса Житкова. И о нем не стоило бы и писать, если бы через 36 лет, в 1924-м, не вышла его первая книжка «Злое море», через год «Морские истории», а следом и повесть «Черные паруса». Нет, своего корабля у него так и не появилось (не считать же лодок, буеров и даже яхт, построенных им), но с первого игрушечного парусника, когда он разломал его в поисках прячущихся в трюме «невидимых человечков», он понял — мир гораздо сложнее мечты и почти невозможно докопаться до ответа, как же «устроен

шедевр». Это, если хотите, было первым явлением «черных парусов» — некоего символа неудач да промахов.

А последним стало запрещение главной книги его, которую он не успел опубликовать при жизни и которую ныне без всяких скидок называют «великой» — романа «Виктор Вавич».

Это «один из лучших романов во всей русской литературе, включая Толстого», — сказал о нем крупнейший литературовед Михаил Гаспаров. Пастернак добавил: «Какой стыд, что никто не знает эту книгу». А Андрей Битов как бы подытожил: «Если бы у этого романа была судьба, он встал бы между «Тихим Доном» и «Доктором Живаго»...»

Все правильно: не только у автора, но и у текста должна быть судьба. «Виктор Вавич» был опубликован лишь через три года после смерти писателя, но и тогда по распоряжению «главного писателя» Фадеева весь 10-тысячный тираж ушел «под нож». «Не полезна» — таков был приговор. И лишь через полвека он вышел наконец и был оценен!

Ну разве не судьба и книги, и — автора?

Побег с Корнеем Чуковским
(Петербург, Петроградская сторона,
Большой пр., 51/9)

Это первый из известных мне адресов писателя. Хотя, переехав в Петроград еще в 1923-м, он, возможно, останавливался и у одноклассника по Одесской гимназии Корнея Чуковского; тот жил уже в центре города (Манежный пер., 6/7).

Воображаю их встречу через 24 года после ссоры, когда они, 15-летние пацаны, на спор условились идти из Одессы в Киев. Замутил это конечно Житков, кому по «подвигам» уже не было равных. Он писал стихи, с матерью пианисткой играл на скрипке Моцарта, Генделя и Баха, прилично рисовал, знал звездное небо и даже освоил станки в портовых мастерских, да так, что взрослые в 13 уже лет звали его Борисом Степановичем.

Его отец, учитель математики и, представьте, автор учебников, переехав с семьей в Одессу, где жили два брата его, герои обороны Севастополя и адмиралы, устроился на работу в «Общество пароходства». Но главное — поселился в гавани, в доме на Военном молу. И все, что манило нашего подростка в мечтах, он видел теперь воочию: порт, океанские пароходы, парусники, изящные яхты и канючие буксиры.

°1
Борис Степанович Житков.

°2
В. Орлов. Иллюстрация к рассказу Б. Житкова «Как я ловил человечков».

°3
С отцом и сестрами.

°4
Одесса.
Вид порта с моря.
Начало XX века.

°5
Петербург,
Петроградская
сторона, Большой пр.,
51/9.

«Мне нравилось, — вспомнит Чуковский, — что он живет над самым морем; что у него есть лодка под парусом. Он учил меня гальванопластике, французскому языку (который знал превосходно), завязыванию морских узлов, распознаванию насекомых и птиц, предсказанию погоды, плаванию, ловле тарантулов». Пока не случилась та «авантюра» с Киевом. Борис, деспот в отношениях (про него и в семье говорили: «против шерсти не моги»), легко уговорил его на поход. Но тот, не выдержав и первых километров, демонстративно улегся в первой же канаве. «Житков убийственно спокойным и вежливым голосом предложил мне продолжить путешествие. В противном случае, сказал, ему придется применить ко мне тот параграф подписанного мною договора, согласно которому наша дружба должна прекратиться». Но друг лишь нахально грыз сухари из «НЗ». И Житков ушел. Чуковскому осталась лишь записка

КОГДА ГРЯНУЛА РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА, БОРИС ЖИТКОВ С ДРУЗЬЯМИ, СТОЯ НА БАРРИКАДАХ С РЕВОЛЬВЕРОМ В РУКЕ, ОБОРОНЯЛ ЕВРЕЙСКИЙ КВАРТАЛ ОДЕССЫ ОТ ПОГРОМЩИКОВ

на первом же телеграфном столбе: «БОЛЬШЕ МЫ С ВАМИ НЕ ЗНАКОМЫ».

Да, лишь через 24 года он узнает, что Житков еще студентом построил свою яхту «Секрет», что занимался матросом на суда, ходившие в Константинополь, Марсель и Александрию, что параллельно университету экстерном сдал экзамены на штурмана дальнего плавания. Да и университет окончил так, что две кафедры (химии и ботаники) предложили ему остаться и преподавать. Но он к тому времени увлекся уже балетом, да так, что в Народ-

ном доме, под началом будущей знаменитости Нижинского, ставил танцевальные номера в «Фаусте» и «Жизни за царя».

Слово и «Слово»

Думаете, был разбросан? Нет, все его увлечения, включая изучение фауны, модной фотографии и дрессировки животных (приручил, к примеру, волка!), были объединены вокруг трех интересов: искусства, науки и мореходства. А когда грянула революция 1905 года, он не только с друзьями, стоя на баррикадах с револьвером в руке, оборонял еврейский квартал Одессы от погромщиков, не только варил нитроглицерин для бомб, но и по поручению стачкома капитаном (уже — капитаном!) парусника ходил в Констанцу и Измаил за оружием. Темными ночами на рейде опускали ящики с винтовками на дно и, оставив метку, шли за новым грузом. Это аукнется ему в 1919-м, когда он, скрываясь от полиции, отпустит бороду и станет натурально Робинзоном на укротном берегу. Тоже ведь «черный парус» его жизни...

Впрочем, до этого он по поручению университета как капитан и ученый возглавил ихтиологическую экспедицию по Енисею: изучал рыб, дошел до Ледовитого океана и почти сразу, в том же 1909-м, поступил на кораблестроительное отделение Политеха в Петербурге. Оттуда как знаток английского, немецкого и французского был отправлен сначала в Копенгаген, на завод «Атлас», а затем — «сбыча мечт»! — в качестве практики в кругосветку на учебно-грузовом судне. Оформили юнгой, но к концу путешествия он, 22-летний, был уже помощником капитана. А когда в военном 1916-м, после окончания института и срочного выпуска гардемаринов, ему присвоят звание прапорщика, то, по распоряжению Морского штаба его

°6,8

Портреты эпохи бурной молодости.

°7

Баррикады в Одессе. Декабрь 1905 года.

срочно отправят в Англию принимать моторы для самолетов и подводок. Там он, «вечный Колумб», как назовет его будущий друг Виталий Бианки, и станет уже подпоручиком...

Нехилая биография, не правда ли?

И вот Петроград 1923 года. Скитания по друзьям и поиски работы на заводах, в порту, в проектных бюро. Весь год, пишет Чуковский, он так «люто нуждался», что «регулярно приходил ко мне обедать». Но уже через год, как занес в дневник тот, «сделал такую головокружительную карьеру, что мог угощать обедом меня... Он ходил по учреждениям и так прекрасно рассказывал о своих мытарствах, что всякий невольно говорил: отчего вы этого не напишете? Сказал и я. Он внял...» Правда, злопамятно, помня давнюю ссору, дописал: «Характер у Житкова исправился: нет этих залежей хандры, насупленной обидчивости, которые были у него в юности...»

Первый рассказ как раз на Большом проспекте наш герой озаглавил «Шквалом». О море, конечно. И «шквалом» я бы назвал невероятное вхождение его в литературу. Чуковский лишь привел Житкова в журнал «Воробей» к Самуилу Маршаку, а дальше он пошел сам, как тогда — в Киев. В журнале повел сразу три рубрики («Как люди работают», «Бродячий фотограф» и «Мастеровой»), печатался в журналах «Чиж», «Еж» и «Юный натуралист», в Госиздате вмиг стал редактором научно-популярных книг, в издательстве «Радуга» выпускает книгу «Паровоз», пишет пьесу для Театра юного зрителя и еще работает в газете «Ленинские искры». Наконец, с Олейниковым, Хармсом, Введенским и Заболоцким учреждает «Ассоциацию писателей детской литературы», а с Виталием Бианки и художником Чарушиным становится (не мои дальше слова) «основоположником научно-художественного жанра». Писал о детях, о «идушей шепотом» жизни их, но детским писателем себя не считал. Ведь для них надо писать, как для взрослых. «Главное мое дело — правда, самая подлинная... Чтоб ни шагу в сторону даже и в темноте...»

Но мало кто знал, что когда уходили гости, он, прежде чем писать до пяти утра (больше че-

тырех страниц и не получалось!), доставал, вообразите, скрипку XVII века итальянца Руджери, купленную по случаю, и играл «для себя»: то ли настраиваясь на работу, то ли погружаясь в личные проблемы. В ту, например, ночь 1914 года, когда в Москве у его жены Елизаветы Бахаревой умерла дочь. Через 20 лет, в 1934-м, он и напишет здесь самый пронзительный свой рассказ «Слово», про который тот же Гаспаров сказал, что он и не мог быть напечатанным, ибо «ни один журнал не мог его взять: сразу выцветали все остальные».

*9
Борис Житков (справа) на палубе парохода «Воронеж» перед выходом в плавание. 1912 год.

*10
Корней Чуковский.

*11-13
Детские журналы, в которых печатался Борис Житков.

ОДНАЖДЫ СОБРАЛ ДРУЗЕЙ И ВДРУГ СПРОСИЛ ИХ: «ЕСЛИ Б ВАМ СЕЙЧАС ДАЛИ МИЛЛИОН ЗОЛОТОМ С ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ БЫСТРО ИСТРАТИТЬ ЕГО, ЧТО БЫ ВЫ СДЕЛАЛИ?»

• 14–16
Детские книги
Бориса Житкова.

• 17
Иллюстрация к
сборнику рассказов
«Что бывало».

• 18
Петербург,
пер. Матвеева, 2.

С Бахаревой он давно расстался, но эта рана не заживала. Он помнил, что будто слышал стон и крик умиравшей далеко от него девочки, что, стиснув зубы, раздавил в кулаке коробок спичек, что «юлил пером» в поисках слова, которое могло бы успокоить мать. Но меня, признаюсь, поразило другое: он, написавший за жизнь сотни тысяч слов, 192 произведения по точному счету, только этот рассказ назвал словом «Слово». Именно этот текст, 25 абзацев всего, будет опубликован в 2011 году.

Даже позднее, чем его «Виктор Вавич».

Это все-таки не скрипка напела ему — это память его и душа.

Жизнь на миллион
(Петербург, пер. Матвеева, 2)

«Жить на миллион», говорили в годы всеобщих ограничений, значит — жить на полную

катушку. Он так и жил. И если раньше, плавая, он становился лучшим пловцом, стреляя — первым снайпером, попадая на кухню — замечательным кулинаром, а влюбившись в цирк — виртуозным жонглером, то, став писателем, он, конечно же, не мог не стать первым среди всех, кого знал. А однажды — и как раз в этой квартире, — собрав друзей, которые все превращали в «веселое безумие», вдруг спросил их: «Если б вам сейчас дали миллион золотом с обязательством быстро истратить его, что бы вы сделали?»

Ответы не удивили: купили бы вкусных вещей, оделись бы шикарно, сняли отдельную квартиру с ванной, завели бы машину, кинулись бы путешествовать. Он в ответ хмыкнул: «Но для этого куда как много миллиона. А по условию его надо истратить весь». И в полной тишине сказал: «А я бы покупал не вещи, а события». И, рванув к карте на стене, указал на Новую Землю: «Надо бы срыть эту перегородку к чертям! Ведь в нее упирается Гольфстрим, и весь огромный запас тепла уходит в пустыню у полюса. А Гольфстрим изменит климат Азии и откроет ее для жизни». И миллион, пишут, стал вдруг крошечным.

А вообще в эту квартиру, в только что построенный в 1932-м 6-этажный дом для работников Союзверфи, он, 50-летний, но «быстрый и легкий, как подросток», по словам Лидии Чуковской, переехал с новой женой, турчанкой и офтальмологом Софьей Ерусальми. Переехали и кот (в миру Паскуда, а в рассказах Манефа), что заученно прыгал в обруч с бумагой, и пудель Кус, который знал (так утверждал Житков) аж 200 слов.

«Я любил его квартиру, выходящую окнами в колодец двора, — вспоминал Евгений Шварц. — В кабинете пианино, а возле пюпитр с нотами. На пианино чернел скрипичный фут-

ляр. На огромном письменном столе, стоявшем между окнами, лежали рукописи». Вот тут и безумствовали его друзья, которых он любил встречать даже не у порога, у подъезда. Приходили Зоценко, Хармс, Олейников, Заболоцкий, Бианки, Введенский, Пантелеев и Белых, Андроников и Чарушин, Чуковский с сыном-прозаиком и Лидия Чуковская с мужем писателем-физиком Бронштейном.

Поначалу приходил и Маршак, тот, который после первого рассказа Житкова «обнимал его и целовал», кто сравнивал его с Куприным и Алексеем Толстым, да что там, посвятил ему всю «Почту», балладу, где были строки: «Заказное из Ростова / Для товарища Житкова! / Заказное для Житкова? / Извините, нет такого! / В Лондон вылетел вчера / В семь четырнадцать утра», но с которым наш «герой» рассорился «в пух», когда Маршак в пору «закручивания гаек в стране» начал увольнять самых строптивых — Олейникова, Андроникова, того же Шварца. Тогда Житков и сказал: «У Маршака работать можно, а с Маршаком — нельзя». А тот, в свою очередь, желая обидеть бывшего друга, невольно выразил всю суть нашего «Колумба»: Житков, сказал, «все хочет поставить на ребро!» Может, потому наш вольный южанин и скажет в сердцах, что здесь, на севере, «я как будто не воздухом дышу, а в меня пихают какую-то вату...»

Врагов ненавидел, а друзей любил так, что не только варил «в подарок» по каким-то своим рецептам настойки и наливки, но рисовал акварелью наклейки к бутылкам. Про накрытый стол и не говорю: ему ли, евшему на необитаемом берегу ворон и кошек, не знать, что для писателей еда. Ну и, наконец, женщины, которые, пишут, влюблялись в него с полуоборота, хотя он был «лыс, низкоросл и похож — по словам Чуковского — на капитана Копейкина». Правда, ни в воспоминаниях, ни в литературе о Житкове я, честно, не встретил ни одного такого женского имени. А вот о безумной ревности его жены, начитался с лихвой. Ведь, кажется, от нее Житков и убежит жить в Москву.

Ревность Софьи Павловны

Она, «милая и простодушная», благоговела перед ним, заносит в дневник 1932 года Чуковский. Но в 1935-м опровергнет себя. «Я и тогда замечал, что Софья Павловна в сущности повторяет придурковато все слова и словечки Бориса, преувеличенно смеется его остротам, соглашается с каждым его мнением, терпеливо и даже радостно выслушивает его монологи». Но теперь «за чайным столом он не смотрел в ее сторону; если она пыталась шутить, не только не улыбался, но хмурился, — и вообще чувствовалось, что он еле выносит ее общество... Причуды ее заключались в нелепых припадках ревности. Если замечала, что Ж. смотрит

МАРШАК СРАВНИВАЛ ЕГО С КУПРИНЫМ И АЛЕКСЕЕМ ТОЛСТЫМ, ДА ЧТО ТАМ, ПОСВЯТИЛ ЕМУ ВСЮ «ПОЧТУ», БАЛЛАДУ, ГДЕ БЫЛИ СТРОКИ: «ЗАКАЗНОЕ ИЗ РОСТОВА ДЛЯ ТОВАРИЩА ЖИТКОВА...»

в окно, она заявляла, что он перемигивается со своей тайной любовницей. Если он уходил в лавку за молоком — дело было не в молоке, а в свидании. По ее представлению, у него сотни любовниц, все письма, которые он получает по почте, — от них...»

— Вы знаете — я заболела, — прямо сказала Софья Павловна и тому же Шварцу, когда он встретил ее и Житкова. И лишь потом он узнал, что она не выпускала его одного, что бросила ходить на работу, а ночами устраи-

° 19

В редакции детской литературы Госиздата. Слева направо: Н. Олейников, В. Лебедев, З. Лилина, С. Маршак, Е. Шварц и Б. Житков.

° 20

Москва, Оболенский пер., 9, корп. 3.

вала ему допросы. «Жизнь его, — пишет Шварц, — превратилась в сплошное мучение». Кончилось тем, что ее увезли в сумасшедший дом. Но если бы только это. Кончилось тем, что рухнули и их дом в переулке, и их семья.

Нет, возразит Чуковский: «кончилось тем... что друзья ее заявили в Союз писателей, будто он упрятал ее в сумасшедший дом здоровую. Союз не придумал ничего умнее, как передать это дело прокурору — то есть даже не пытаясь выяснить все обстоятельства, посадил своих членов на скамью подсудимых! Слонимский до-

ФАДЕЕВ ОЦЕНИЛ «ВИКТОРА ВАВИЧА», ЗАМЕТИВ, ЧТО КНИГА НАПИСАНА ОЧЕНЬ ТАЛАНТЛИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. НО У АВТОРА НЕТ «ЯСНОЙ ПОЗИЦИИ К ПАРТИЯМ». И ТИРАЖ БЫЛ УНИЧТОЖЕН

казывал Тихонову, что Союз поступил неправильно, а Тихонов, который в сущности и совершил этот храбрый поступок, ссылается на то, будто все партийцы требовали именно этого...»

Вот когда неунывающий, веселый, умудренный жизнью Житков, разведясь с женой, сначала пересхал в знаменитый писательский дом (канал Грибоедова, 9/2/4), а затем, под вспухшими «черными парусами», — в Москву. Кстати, в повести «Черные паруса» они не только символ беды, но и попытка скрыться от преследования. Там, если кто не помнит, судно героя, спасаясь от пиратов, поднимает их, чтобы незаметно слиться с темной ночью.

Не уверен, что тогда он и заболел недугом, от которого умрет через три года. Но точно знаю: накануне отъезда он, бледный и мрачный, ввалился в дом Бианки с бутылкой коньяка. «Не отвечая на вопросы, — рассказывал Олейников, — осушил эту бутылку один». И уходя крикнул: «Черта видел. Получил повестку с того света...»

«Не хватило воздуха сказать...»
(Москва, Оболенский пер., 9, корп. 3)

«Солнечный день валил через город. В полдень размлели пустые улицы...»

Так начинается его грандиозный роман, который он писал с 1920-х годов и который

не увидел при жизни. 40 печатных листов про 1905 год, про нравственное падение околочного Вавича, звереющего на глазах, про то, как молодой парень учится бить морду и брать взятки и как пристав спокойно выдавливает глаза революционеру. Как люди трусят, влюбляются, «слабеют или сильнееют» и «как просто стать подлецом из высших побуждений». Не книга — прямой ответ Горькому и его «Климу Самгину». Это, по мнению современной критики, «большой русский роман, масштаба «Живаго», но лучше, много лучше!»

И он, можно сказать, про тех «невидимых человечков», которых Житков искал в трюме раскуроченной игрушки и описал в рассказе «Как я ловил человечков».

«Пишу я, собственно, о власти Князя Мира Сего, — сообщал родным Житков еще в 1927-м. — Вот и вся тема. Вся. Не уписать всей-то и во сто томов». А когда уже в Москве закончил работу, заметил: «Книжка-то очень современная, но изображено (внешне) старое. Это анахронично, только поверхностным критикам...»

Кому — спросите? Да Фадееву или, вот, Канатчикову, был такой председатель редсовета издательства «Федерация». «Это просто... поклеп на революцию», — сказал он и предложил сократить книгу в десять раз. И тогда же, в октябре 1941-го, «сигнальный экземпляр» отпечатанного уже тиража лег на стол Фадееву. Тот оценил его, написал, что «книга написана очень талантливым человеком», но, заметив, что «она не полезна», припечатал: «У автора нет ясной позиции в отношении к партиям до-революционного подполья. Социал-демократии он не понимает, эсерствующих и анархистствующих — идеализирует...»

Вот и все! И тираж был уничтожен. Хорошо, что Лидия Чуковская выкрала, говорят, из типографии один экземпляр; по нему и печатали книгу в 1999-м.

Нам же остались от романа разве что вехлипы знатоков. Какой там «канон», какое включение в «школьные программы», куда внесены вещи в разы слабее? Покойный Шкловский сказал, что Житков «стоит в ряду очень больших писателей», ныне здравствующий В. Шубинский написал, что «Вавич» это «одна из тех книг, которые в момент появления на свет становятся незыблемым литературным фактом», и Житков отныне — «автор не третьего и даже не второго ряда». Но лучше всех написал Владимир Злобин и, к слову, совсем недавно — в 2020-м:

«Гений может быть пропущен, но рано или поздно ему все равно вознесут должное. Таков ход вещей... А тут вот не вышло. И некому об этом рассказать. «Виктор Вавич» — это текст о том, как не вышло. Как не вышло жить у его героев. Как не вышло обмануть цензуру у его создателя. Как не вышло прославиться. Как не вышло войти в большую, «не детскую» литера-

* 21–24
Трехтомник
«Виктор Вавич».

* 25
Вера Михайловна
Арнольд.

туру... Написал человек вещь, после которой переписывают учебники, и... не переписали... «Ой, ну ладно вам, что, из-за одной книги все переделывать?» Да, — пишет он, и я с ним согласен, — переделывать...»

Смелость, мужество, храбрость должны вознаграждаться. А он страшился в жизни лишь одного — самого страха. Того страха, «из-за которого столько подлостей на свете делается, — написал как-то в статье «Храбрость». «Сколько друзей, товарищей, сколько самой бесценной правды предано из-за трусости: «не хватило воздуха сказать». И я знал, что по-французски «трус» и «подлец» — это одно слово: «ляш». Может, потому и написал тоже «недетскую» повесть «Без совести», которая также останется неопубликованной...

Он умер в Москве в Оболенском переулке. Умер в 1938-м от рака легких на руках у последней жены, Веры Арнольд. «В комнате его, — вспоминал художник Шатилов, — всегда бывал народ: поэты, прозаики, редакторы, художники. Борис Степанович в куртке, сшитой руками сестры, сидит за столом; перед ним стакан густого чаю; он курит папиросу за папиросой и горячо доказывает, впиваясь живыми глазами в собеседника, что журнал делать или рисунки нарисовать надо так-то и вот почему...»

Он знал эти «надо» и «почему». Он создал уже для детей первые в истории детской литературы «книжки-самodelки» со своими рисунками: «Как сделать индийское судно» или «Кино в коробке», написал фантастический рассказ о микроманипуляторах «Микроруки», предвосхитивший одно из направлений нанотехнологий (тогда и слова такого не было!), придумал «Жур-

нал-картинку» для детей 4—5 лет, о чем написал в ЦК комсомола, и создал книгу «Про эту книгу», в которой, ведя читателя от рукописи до шрифта, печатал сначала рукописную страницу с клексами и мазней, потом без разбивок и выделений, затем с ошибками и без корректуры и, наконец, на разных сортах бумаги, вставленных в эту книгу, на которых она могла бы выйти. Но главное, отвечая на бесконечные «почему» 4-летнего соседского мальчика Алеши, кому рисовал картинку и клеил игрушки, начал писать и успел-таки закончить книгу «Почемучка».

° 26
В. Орлов. Иллюстрация к рассказу Б. Житкова «Как я ловил человечков».

° 27
Могила Бориса Житкова на Ваганьковском кладбище.

«Ночью к пяти часам утра, — записал в дневнике 1 августа 1937 года, — я кончил «Почемучку»... Очень трудную форму я взял. Тропинок по этим джунглям не проторено, и я рвусь по целине». А энциклопедию для малышек, для которых и семафор чудо, и тоже уникальную, он, под названием «Что я видел», додиковывал жене уже лежа.

«Детям нужны такие страницы, — написал он, ненавидящий отношения к ним как к «пупсикам» с конфетных коробок, — которые дали бы сильный толчок их мысли» и уверял, что и Лобачевского, и даже теорию Эйнштейна можно рассказать так, что «у них закружится голова». Важно зажечь волю, желание ввязаться в борьбу и искать оружие в искусстве и науке. Он ведь, помните, так считал и в юности, объединяя свои бесчисленные интересы. Тогда, правда, добавлял еще мореходство и море.

Вместо моря, как отголосок, как память стоял у его изголовья теперь лишь строй книг его о море. Да еще на обоях против кровати, он, как в детстве, выискивал в узорах их воображаемые картинки: вот, кажется, человек бежит, но без одной ноги, вот шуруется кошачья мордочка его «Паскуды», вот нечто, похожее на его скрипку. Выискивал: а вдруг мелькнут паруса корвета или летящей яхты, паруса детской мечты и взрослой жизни.

Наконец, умирая, он, мастер слова, возможно вспоминал тот рассказ «Слово», где все давно предсказал про себя:

«Ночью мы остались вдвоем в пустой квартире, — искал он одно единственное исцеляющее слово. — Есть боль, которой даже понять не может тело и отвечает на нее конвульсией. И когда это выпадает на долю души, то она бьется и содрогается, и нет на миру тех слов, что объясняют душе, что такое смерть».